

НАСЛЕДИЕ КРЕМЛЁВСКИХ
ВОЖДЕЙ

СТАЛИН- АЛЛИЛУЕВЫ

ХРОНИКА ОДНОЙ СЕМЬИ

ВЛАДИМИР
АЛЛИЛУЕВ

Наследие кремлевских вождей

Владимир Аллилуев

**Сталин – Аллилуевы.
Хроника одной семьи**

«Алисторус»

2014

Аллилуев В.

Сталин – Аллилуевы. Хроника одной семьи / В. Аллилуев —
«Алисторус», 2014 — (Наследие кремлевских вождей)

В своей книге-размышлении внучатый племянник Сталина повествует о судьбах трех поколений Аллилуевых – на фоне широкого полотна российской жизни длиною в век – с конца XIX века и до наших дней. Страницы книги густо населены действующими лицами. Это старшие Аллилуевы: Сергей Яковлевич и Ольга Евгеньевна, их дети: Павел, Анна, Федор, Надежда, ставшая женой Сталина, Станислав Реденс, Сталин, его дети – Яков, Василий, Светлана, младшие ветви семей. Среди персонажей книги Держинский, Берия, Хрущев, Молотов, Маленков, Жуков и другие деятели. Автор критически рассматривает многие версии, которые запущены в оборот в последнее десятилетие, и дает совершенно новые повороты и интерпретации известных фактов и событий.

© Аллилуев В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	5
Истоки	7
Павел	13
Надежда	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Аллилуев

Сталин – Аллилуевы. Хроника одной семьи

Предисловие

Это повествование по времени охватывает полотно почти равное всему XX веку. Прихватывает и какие-то более ранние годы, потому что посвящено оно истории нескольких поколений нашей, и не только нашей, семьи. По существу, это рассказ о людях трех поколений, волей судеб оказавшихся причастными к той единственной реальной силе, которая взяла власть в России в октябре 1917 года и вместе с народом попыталась изменить мир в соответствии со своими идеалами и устремлениями в условиях сложнейшего внутреннего и внешнего противоборства.

Моя семья принадлежит к роду Аллилуевых, корнями уходящему в крестьянскую и рабочую среду. Ее патриарх – Сергей Яковлевич Аллилуев – известен по многим учебникам истории, его без всяких натяжек можно отнести к первому поколению ленинской гвардии, он был хорошо знаком с Лениным, Сталиным и другими деятелями большевистской партии, которые, естественно, станут действующими персонажами этой книги. Все члены большой семьи деда: его жена Ольга Евгеньевна, дети – Павел, Федор, Анна, Надежда – оказались втянутыми в бурный водоворот революционных событий конца XIX и начала XX столетия и последующих преобразований в стране, они были участниками ее побед и поражений, испытали на себе все трудности и тяготы века. Со временем семья разрасталась, породнившись с другими семьями. Памятен брак младшей дочери Сергея Яковлевича Надежды с Иосифом Сталиным в 1918 году.

Биография семьи Аллилуевых – это живая биография трех поколений советских людей, бросивших исторический вызов эпохе. Знали ли эти люди наперед, с какими материальными и человеческими жертвами будет сопряжена попытка социалистического переустройства мира? Думаю, что никто не знал ни цену, ни масштаб и глубину тех разломов и перемен, которые предстояло выдержать народу, да и не могли знать точно так же, как сегодня никто не знает, что стало бы с Россией, доведенной до полного упадка и разорения первой мировой войной и стремительным разложением всех правящих структур, и какую цену ей пришлось бы заплатить, избери она иной путь развития.

Во всяком случае, эти люди в труднейших условиях смогли сохранить Российское государство и укрепить его могущество, победить голод, разруху, преступность и межнациональные распри. Они смогли ликвидировать беспризорницу и неграмотность, одолеть эпидемии и увеличить продолжительность жизни, в самые короткие сроки создать первоклассную промышленность и стабильное сельское хозяйство, передовую науку и технику, их усилиями Вооруженные Силы были оснащены могучей военной техникой. Они выстояли в Великую Отечественную войну, защитили честь и независимость Отечества, спасли мир от коричневой чумы и нанесли смертельный удар по мировой колониальной системе. Они же в неслыханно дерзкие сроки восстановили разрушенное войной хозяйство, создали термоядерное оружие и ракетные системы, запустили в космос первый искусственный спутник и первыми в мире вывели на околоземную орбиту космический корабль с человеком на борту. На этом фундаменте нашему народу был обеспечен столь длительный период мирного развития, которого еще не знала история России.

Люди, о которых пойдет речь в книге, не были ни ангелами, ни демонами, ни палачами, ни жертвами. Они просто были детьми своего времени и, защищая, отстаивая свои идеалы, использовали те же самые средства, которыми пользовалось человечество на протяжении всей своей многовековой истории и с помощью которых пытались уничтожить и их самих.

Эти люди с раннего детства были приучены к труду, любили его и умели работать, отлично знали, почем фунт лиха, и прекрасно понимали, что никто другой не сделает за них задуманного и что История отвела им для этого слишком мало времени. Слишком!

Их заслуги перед своей страной и перед мировой цивилизацией бесспорны, и только подлые лжецы могут утверждать, что советская история – это путь в никуда.

Вообще ложь, человеческая подлость и двурушничество – это единственное против чего были бессильны люди, о которых я пишу. Как, впрочем, и все честные и порядочные люди на Земле. И мы обязаны всегда помнить об этом, если не хотим ввергнуть наш народ в пучину новых кровавых бедствий.

Я много думал о нашей истории, много читал о нашей семье, о Сталине. За годы «перестройки, плюрализма и гласности», поток этих публикаций не ослабевает, но я могу с полной ответственностью сказать, что все мною прочитанное не соответствует тому, что известно мне, и зачастую является обычной ложью или преднамеренным мифом. Это обстоятельство и побудило меня взяться за перо, и я глубоко благодарен всем, кто оказал мне помощь при создании этой книги. Особую признательность я выражаю доброму другу нашей семьи Эне, без нее я вряд ли рискнул бы подготовить свою рукопись.

Что получилось из этого – пусть судит читатель.

В. Аллилуев

Истоки

Родился я в Москве 25 января 1935 года. Был вторым ребенком в семье Анны Сергеевны Аллилуевой и Станислава Францевича Реденса. Старшему брату – Леониду – уже исполнилось семь лет. Но свой рассказ я хочу начать, конечно, с дедушки.

Сергей Яковлевич Аллилуев родился 25 сентября 1866 года в Воронежской губернии (село Раменье Яковской волости Новохоперского уезда) в семье безземельного крестьянина. Его родители – Яков Трофимович и Марфа Прокофьевна Аллилуевы – были крепостными помещика Трежесковского. Отца помещик определил кучером, а мать горничной в барском доме. В дворовых у Трежесковского были и все их родственники. После отмены крепостного права Аллилуевы поселились в деревне Раменье. Яков Трофимович, как безземельный, опять нанялся кучером к доверенному откупщика, а Марфа Прокофьевна ходила на поденную работу. В 1871 году, когда маленькому Сергею было пять лет, Яков Трофимович умер от холеры, оставив на руках у вдовы пятерых детей. Старшему было только девять лет, а младшему – всего два годика.

Одна мать прокормить всю семью не могла, поэтому старшего ее сына забрал брат. Сергей подолгу жил в соседней деревне у сестры матери, а младшенького Павла взял на воспитание бездетный сельский сапожник, уехавший вскоре в Сибирь. С того дня вплоть до 1925 года мой дед Сергей Яковлевич Аллилуев ничего не слышал о своем младшем брате и встретился с ним лишь полвека спустя...

О своей жизни Сергей Яковлевич рассказал в книге воспоминаний «Пройденный путь», вышедшей уже после его смерти в 1946 году. К сожалению, тяжелая болезнь оборвала его воспоминания на событиях 1907 года, оставив «за кадром» самый интересный период его жизни, в печати были опубликованы лишь отрывочные его воспоминания (наиболее известна его статья «Как у меня скрывался Ленин»).

В том же, 1946 году, вышли и «Воспоминания» моей матери Анны Сергеевны Аллилуевой. Книга эта претерпела много мытарств до выхода в свет. Семья наша, близко знавшая В.И. Ленина и И.В. Сталина, никогда не обожествляла этих людей и видела в них нормальных, простых смертных, обладавших, несомненно, незаурядными способностями и взявших на себя великую ответственность за судьбы миллионов. Все это проявилось в «Воспоминаниях», публиковать книгу боялись и дело волокитили. Мама очень переживала это обстоятельство и в конце концов позвонила Сталину. Тот сразу почувствовал ее настроение и, чтобы успокоить, грубовато сказал: «Ну что ты так расстраиваешься? Неужели не знаешь, что там есть сволочи? Издадут твою книгу». И действительно, книгу вскоре издали. Видимо, поступило соответствующее указание. Но об этом речь еще впереди.

В 1893 году Сергей Яковлевич женился на Ольге Евгеньевне Федоренко, было ей тогда 16 лет, а мужу – 27. Любовь их была очень романтична. Родители Ольги согласия на брак не давали, рассчитывая выдать ее за богатого торговца, и тогда Ольга сбежала из дома с нехитрым узелком вещей, чтобы соединить свою судьбу с любимым человеком.

Отец Ольги – Евгений Федоренко – родился и вырос в Грузии, он был украинцем по отцу и грузином по матери, а мать Ольги – Магдалина Аихгольц – была полькой по отцу и немкой по матери, предки которой поселились в Грузии еще во времена Екатерины II. Евгений Федоренко был каретником, а Магдалина Аихгольц – крестьянкой из немецкой колонии в Тифлисе. В семье было 9 детей, Ольга – самая старшая. Училась она в немецкой школе всего три года и в 11 лет уже помогала матери кормить обедами «нахлебников», среди которых был молодой тифлисский рабочий Сергей Аллилуев.

От брака по любви Ольги Федоренко и Сергея Аллилуева родилось четверо детей. Старший сын Павел появился на свет в 1894 году в Тифлисе. Там же в 1896 году родилась и моя

мать – Анна. Сын Федор родился в 1898 году уже на станции Михайлово, где Сергей Яковлевич работал помощником машиниста в депо, а младшая дочь Надежда обрела свое место рождения в 1901 году в Баку.

Молодость Сергея Яковлевича прошла на Кавказе. Там же началась и его революционная деятельность. Владел он множеством профессий, был толковым слесарем, электриком, паровозным машинистом. В Тифлисе работал в железнодорожных мастерских, в Баку – на нефтепромыслах. В 1896 году Аллилуев вступает в РСДРП, через два года стала членом партии и Ольга. Не раз они сидели в тюрьмах, Сергей был и в ссылке.

На Кавказе дед близко сошелся с В.А. Шелгуновым, Г.И. Петровским, Н.Э. Бауманом, М.И. Калининым, В.К. Курнатовским, Л.Б. Красиным, А.В. Винтером и многими другими революционерами, оказавшими решающее воздействие на всю его жизнь.

В 1903 году он впервые встречается со Сталиным, организовавшим переправу из Тифлиса в Баку ручного печатного станка. Изготавливали его рабочие: Закомолдин, Золотарев и брат Ольги Евгеньевны – И. Федоренко, прятали станок на квартире М. Айхгольц, а перевозили его С.Я. Аллилуев и В.А. Шелгунов. Потом, когда семья Аллилуева переехала в Питер, большевики пользовались их домом как конспиративной квартирой.

Высочайшая рабочая квалификация Сергея Яковлевича обеспечивала ему неплохой достаток, что позволяло семье снимать сносную квартиру, дать детям образование и оказывать помощь революционному движению. Дед так и остался на всю жизнь бессребреником. У детей Аллилуевых оказались прекрасные способности, учились они успешно, а младший сын, как первый ученик в гимназии, удостоился стипендии, что было большой подмогой семье.

В июльские дни 1917 года на квартире Аллилуевых скрывался от Временного правительства В. И. Ленин перед самым своим отъездом в Разлив. В этой квартире частенько бывал И. В. Сталин и даже жил подолгу, там его и нашел Ленин, вернувшийся из Финляндии перед самыми октябрьскими событиями.

Со своей будущей женой Надеждой, младшей дочерью Аллилуевых, Сталин познакомился еще в 1912 году в их квартире на Сампсониевском проспекте. Существует семейное предание, что Ленин сватал за Сталина свою сестру Марию Ильиничну: почему бы ему, неустроенному вдовцу, не жениться на ней? Сталин тогда засмеялся и сообщил, что он только что женился на Надежде Аллилуевой. Владимир Ильич, хорошо знавший эту семью, одобрил его выбор.

Светлана Аллилуева в своей книге «Двадцать писем к другу» пишет, что Сталин и Надежда поженились весной 1918 года перед самым переездом Советского правительства из Петрограда в Москву, однако официально их брак был зарегистрирован 24 марта 1919 года. В этом ничего странного нет, в то время люди мало заботились о формальных документах, и многие семьи прожили долгие годы без оформления брака.

В тот, 1918 год, семейная биография Аллилуевых пересеклась с судьбой еще одного человека – Станислава Реденса, ставшего моим отцом. А произошло это так. Тогда на Восточном фронте сложилось катастрофическое положение, и Ленин направляет туда И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского. Вместе со Сталиным поехала Надежда Сергеевна, а с Дзержинским – его секретарь Станислав Реденс.

Станислав Реденс, поляк по национальности, был направлен в ВЧК большевистской фракцией Московского комитета социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы. Родился он 17 мая 1892 года в Польше, в Мазовецком уезде Ломжинской губернии в семье сапожника и был крещен по обряду римско-католической церкви. Спустя год отец умер и заботу о содержании семьи взял на себя его старший брат – Владислав, он работал тогда на Днепровском заводе и всю родню забрал к себе. В 1907 году Владислав тяжело заболел, и Станислав, бросив учебу, пошел работать электромонтером на тот же завод. В первую мировую войну его призывают рядовым в царскую армию. В 1917–1918 годах Станислав ста-

новится секретарем больничной кассы и ответственным секретарем профсоюза металлистов в селе Каменское, впоследствии завода имени Дзержинского, откуда его направили на работу в ВЧК. Еще в 1914 году отец вступил в большевистскую фракцию «СДКП и Л» по рекомендации руководителя партячейки Днепровского завода А. Красикова, оказавшегося затем провокатором (какую это роль сыграло в его дальнейшей судьбе, я расскажу позже).

Судьба матери моего отца и его старшего брата мне, к сожалению, неизвестна, знаю только, что до начала второй мировой войны они жили в Варшаве.

Когда отец приехал в Москву с направлением в ВЧК, ему негде было остановиться, и он устроился на ночлег в одном из кабинетов на Лубянке, прямо на столе. Ночью в кабинет заглянул Феликс Эдмундович, увидел отца, разбудил его и долго расспрашивал, кто он и откуда. Красивый русоголовый славянин, блестяще владевший русским и польским, видимо, ему понравился, и он предложил ему стать его секретарем. Так Реденс и работал с Дзержинским до последних его дней, умер Феликс Эдмундович на руках моего отца.

В этой поездке на Восточный фронт Реденс познакомился с Надеждой Сергеевной, а через нее потом и с моей матерью. К тому времени у Станислава Францевича уже были жена и сын, но между ним и моей матерью вспыхнула сильная любовь. Мать рассказывала мне, что отец долго метался между нею и своей женой, измучив порядком себя и этих милых женщин. Однажды мать сказала ему: «Ты, наконец, сделай выбор. Я же тебе в этом не указ. Как решишь, так и будет!» И отец женился на моей матери. Надо сказать, что мама моя хорошо знала первую жену отца, и добрые отношения, несмотря ни на что, сохранились у них на всю жизнь. До ареста отца, часто бывал у нас дома и его сын от первого брака, был дружен с нашей семьей. Он и сейчас живет в Москве.

Пока развивался этот роман, дед мой – Сергей Яковлевич – числился пропавшим без вести. Здесь нам нужно вернуться к прерванной его биографии. Сразу после Октября рабочие и служащие Первой ГЭС Петрограда избирают его комиссаром своей электростанции, в этом качестве он работает до мая 1918 года. Затем командирован в Москву, в ВСНХ, работает с мая по ноябрь того года членом Коллегии по управлению Шатурскими торфяными разработками.

С начала декабря 1918 года до середины января 1919 года он участвует в ревизии таможен на бывшей украинской границе, а в феврале направляется в распоряжение ВСНХ Украины, где занимается обследованием рудников. Время тогда было горячее, и дед мой попадает в плен к денкинцам, его отправляют в Николаев, и по дороге он тяжело заболевает сыпным тифом, оказывается в лазарете. Выжил Сергей Яковлевич только чудом. Ему удалось ускользнуть от контрразведки белых (пригодился старый конспиративный опыт), и он перебирается в Крым, где находит приют у учительницы симферопольской городской школы Татьяны Демьяновны Савченко, сестры близкого друга. Здесь он окончательно оправляется и устраивается электромонтером в мастерскую городского самоуправления.

Как раз в это время, 4 февраля 1920 года, В.И. Ленин направляет телеграмму Г.И. Петровскому и Л.П. Серебрякову:

«Харьков, Укрревком. Петровскому, Серебрякову. Копия: Екатеринослав, губревком.

Прошу сообщить, имеются ли у вас сведения о Сергее Яковлевиче Аллилуеве, который был послан из Харькова от Украинского ВСНХ в качестве члена особой комиссии по обследованию рудников Криворожского бассейна и работал там с апреля до конца июня. При наступлении белых эвакуировался с комиссией в Киев. Вновь вернулся в Кривой Рог в конце июня от ВУЦИК для расплаты с рабочими рудников. Больше сведений о нем с тех пор нет. Прошу запросить Кривой Рог и ответить мне телеграфно. Ленин».

А тем временем дед в конце мая 1920 года перебрался в Мелитополь, но военная обстановка в Крыму обостряется, и дед решает перебраться к своим, одолев 8 сентября 1920 года

линию фронта у города Ногайска, в 25 верстах от-Мелитополя. Он сразу же явился к коменданту города Голикову, но был им немедленно арестован «как злостный перебежчик из белой армии» и этапирован в распоряжение Особого отдела при штабе 13-й армии. Об этой странице жизни дед вспоминал с большим неудовольствием: «От Бердянска до Александровки мне пришлось испытать всю «прелесть» режима этого «милого» учреждения, столь необходимого в революционный период. В Александровке, после моего извлечения из подвала узилища, где мне пришлось несколько дней покормить советских паразитов, я неожиданно попал в салон-вагон товарища Н. П. Горбунова, который в то время был членом РВС штаба 13-й армии и который меня освободил и в своем салон-вагоне отправил в Синельниково». Так писал дед в своей автобиографии.

По словам же моей матери, которая в то время была шифровальщицей секретного отдела при штабе 14-й армии, освободил деда мой отец, занимавший тогда пост председателя Харьковской ЧК. Тогда же он и сообщил Сергею Яковлевичу, что женился на его старшей дочери.

После освобождения Крыма деда направляют в Ялту, где он проработал членом ревкома до конца 1921 года. Потом был на руководящей хозяйственной работе в Москве, Ленинграде и на Украине.

Но уважали Сергея Яковлевича, конечно, не только за его грамотную и квалифицированную работу, но за его редкие человеческие качества – скромность, смелость и независимость характера, душевную щедрость, готовность всегда прийти на помощь. И справедливость. В поступках и делах. Ему, как далеко не многим, удалось сохранить эти качества на всю жизнь. По таким людям и судили тогда о первом поколении революционеров.

Любопытный эпизод из жизни деда я услышал много лет спустя после его смерти (дед был необычайно скуп на такие рассказы), в 1966 году, от бывшего прокурора и наркома юстиции Грузии Иллариона Илларионовича Талахадзе. Оказывается, Сергей Яковлевич дважды спас его отца от смерти. Первый раз в бакинской тюрьме в 1902 году, когда дед сидел за участие в забастовке, а Илларион (старший) за избивание урядника, с которым он сцепился во время разгона демонстрации. Иллариону грозило суровое наказание, и Сергей Яковлевич посоветовал ему бежать. Такой случай представился во время этапировки заключенных из Баку в Тифлис. На станции Михайлово Аллилуева и Талахадзе послали под конвоем за водой для арестованных. Когда они, возвращаясь, поравнялись с толпой народа, дед предложил Иллариону бросить бочку и разбежаться. Конвоиры не рискнули стрелять в толпе, и Талахадзе удалось скрыться. Спустя два года, когда дед работал в Серпухове, он натолкнулся на умирающего от туберкулеза Иллариона, забрал его к себе домой и выходил.

Или другой эпизод. Как-то в 1927 году деду довелось отдыхать в санатории под Боржоми. Однажды к нему пришли родственники санаторного сторожа, арестованного по подозрению в воровстве и спекуляции, и попросили заступиться за невинного. Дед занялся расследованием; он порасспросил множество жителей деревни, где жил сторож, и выяснил, что, собирая приданое для дочери, старик припрятывал его в своем санаторном помещении, кто-то это углядел и настрочил бдительный донос. Выяснив все это, Сергей Яковлевич направился к министру юстиции и прокурору Грузии Иллариону Илларионовичу Талахадзе.

«Ко мне в кабинет, – вспоминал бывший прокурор, – вошел высокий, похожий на цыгана (действительно, бабушка Сергея Яковлевича была цыганкой), седобородый старик, долго и внимательно разглядывал меня и, наконец, сказал:

– Встань!

Я, рассказывая прокурору, удивился, но встал. Пришелец еще некоторое время молча смотрел на меня, а потом сказал:

– Я дважды спас от смерти твоего отца, Иллариона Талахадзе, а теперь мне нужна твоя помощь.

И, рассказав мне про арест сторожа из санатория, в котором он отдыхал, Сергей Яковлевич потребовал его немедленного освобождения. Проверка, проведенная прокуратурой, подтвердила невиновность сторожа, и он был освобожден из-под стражи».

Дед не терпел сибаритства и всегда поругивал нас, внуков, за безделье или неумение занять себя. Он с малых лет приучал нас к полезному труду, ревностно следил за нашими школьными делами и до конца жизни считал, что каждый человек рожден для честной и добросовестной жизни и работы для общей пользы. Жизнь только во имя себя, своих интересов он считал недостаточной и недостойной.

И уж больше всего он не любил любое проявление непорядочности и рвачества, считая, что эти качества несовместимы со званием коммуниста.

Характерно его письмо к СМ. Кирову, копия которого хранится в семейном архиве¹:

«Дорогой товарищ Киров!

Очень и очень прошу тебя, будь так добр, удели минуту своего времени прилагаемой заметке, напечатанной в Красной Газете от 10 ноября в утреннем выпуске, а также и прилагаемой справке, в которой беспристрастно изложена истина, как было и почему я дал согласие уволить монтеров. Потому, что я нахожу, что применение этой меры вызывает крайняя необходимость.

Традиционные «чаевые», которые, к стыду нашему, еще существуют в нашем быту, в частности, это разлагающее зло не изжито и среди монтеров «Электроток», которые поддерживают и культивируют эти, по их мнению, невинные традиции. Я же лично рассматриваю получение на «чай» как злостную и преступную взятку, которая разлагает человека, и унижает его собственное достоинство, и ложится грязным позорным пятном на здоровом теле Революции Пролетариата, который вот уже девять лет ведет титаническую борьбу за удержание в своих мозолистых руках государственной власти и является гегемоном первого в мире пролетарского Государства.

Притом монтеров «Электроток» ни в коем случае нельзя приравнивать к разряду служащих ресторана, столовой или же стоящего у вешалки какого-либо учреждения, которые в материальном отношении благодаря мизерным ставкам зависят от «доброй» воли и щедрости посетителей. Монтеры же «Электроток» получают наивысшие ставки, чем где бы то ни было, и ничем и ни в какой мере не зависят от абонентов, а наоборот, абонент всецело зависит от злой воли недобросовестного монтера, который при удобном случае преступно медлит с восстановлением света, забывая свой долг, с целью получить взятку, прекрасно зная психологию обывателя и в особенности абонента частных мелких предприятий и торговых заведений, которые от промедления терпят материальный ущерб. Недобросовестный монтер, учитывая все это, вызывает под тем или другим предлогом абонента на взятку. А ведь «Электроток» обслуживает не только частного абонента, а все важные государственные и советские учреждения, а также всю крупную и мелкую государственную промышленность, где работают десятки тысяч рабочих. И поэтому у Управления Кабельной Сети нет никакой уверенности и не может быть доверия к такому сорту монтеров в смысле добросовестного отношения к своим прямым обязанностям, которые не только не считают позорным получать «чаевые», а наоборот, считают эту меру своим священным правом, узаконенным давностью и традициями. А потому эти лица пользуются случаем, проявляя злую волю, вызывают трусливого обывателя на взятку.

Я в общей сложности работаю в промышленных предприятиях 45 лет, из них около 20 лет в Кабельной Сети Электростанции Ленинграда, и поэтому очень хорошо знаю этот сорт монтеров – восстановителей света. Знаю хорошо их правосознание и психологию. Эти люди со шkodливой обывательской душой очень трудно поддаются морально-воспитательному

---

¹ Здесь и в приведенных далее архивных документах и письмах сохранены полностью их стиль, орфография и пунктуация.

влиянию. Также им чужды и недоступны их пониманию священные традиции и методы организованной коллективной борьбы заводского рабочего как за права человека, так и за улучшение своего материального положения. Они предпочитают улучшить свое благополучие по-бытовому на свой страх и риск.

Управление Кабельной Сети «Электроток» считает своим долгом бороться с этим злом, а нам мешают добровольные присяжные «защитники прав человека» и грубо обвиняют нас в пристрастии и головотяпстве. Поэтому настоятельно прошу оказать содействие для беспристрастного обследования этого факта. Защищать своих членов Союза хорошо, но защищать жуликов недопустимо.

Я сам член Союза с 1906 года и член Партии с 1896 года, а между тем мое имя треплет недобросовестный рабкор на странице газеты лишь потому, что я Администратор, Хозяйственник и имел дерзость бороться с разлагающим злом.

С уважением *С.Я. Аллилуев*».

Как видим, ничто не ново под луной. И тогда пороки, укоренившиеся в старой России, активно пробивали себе место под солнцем в новой России, и были свои ревностные защитники прав человека, но с этим злом пытались бороться. И безуспешно. Взятничество, коррупция тогда преследовались и по закону, и по морали, потому и не приняли таких глобальных масштабов, столь характерных для нашего нынешнего, посткоммунистического времени.

Письмо к Кирову написано было в конце 1926 года, когда дед был управляющим Кабельной Сетью «Электроток» в Ленинграде. Тогда он еще не знал, что его ждут еще двадцать лет жизни, смерть двоих детей, арест зятя, самая кровопролитная война, тяжелая болезнь. И книга, не довершенная до конца.

Умер Сергей Яковлевич Аллилуев от рака желудка в 1945 году во время Потсдамской конференции.

Бабушка пережила Сергея Яковлевича на шесть лет, умерла скоропостижно от сердечного приступа в марте 1951 года. Ее похоронили рядом с ним и младшей дочерью Надеждой на Новодевичьем кладбище. Но весь рассказ об Ольге Евгеньевне еще впереди, она была неизменным участником всех событий в нашей обширной семье.

Павел

Читатель, очевидно, помнит, что я уже обозначил дату рождения старшего сына Сергея Яковлевича и Ольги Евгеньевны Павла: 1894 год. Их первенец родился в Тифлисе, старший Аллилуев работал тогда в железнодорожных мастерских, с головой окунувшись в революционную деятельность. В семейном архиве хранится копия заявления Павла в Московскую контрольную комиссию, написанного в мае 1924 года в связи с исключением его из партии в ходе очередной чистки, «как оторвавшегося от активной партийной жизни и политически безграмотного». Документ обширный, в нем содержится и биография и исповедь человека, сызмальства включенного в дела революционного подполья, а потом и самой революции. Мне кажется, это заявление лучше всего расскажет о самом Павле. Я только постараюсь опустить и подсократить те места, которые по своему содержанию повторяют уже изложенное мною.

Итак, вот этот документ.

Заявление

Комиссия по проверке личного состава ячейки РКП Главных Довольствующих Управлений военного Ведомства под председательством тов. Хохлова постановила: «Аллилуева Павла Сергеевича, как оторвавшегося от активной партийной жизни и политически безграмотного, исключить из РКП».

Считаю это постановление неосновательным и совершенно незаслуженным. Прошу дело обо мне пересмотреть.

Получив от секретаря ячейки ГДУВВ вышеупомянутую выписку из протокола Проверочной Комиссии, я поинтересовался у него, какие формальности надлежит мне соблюсти, дабы обжаловать такое постановление комиссии; на что он мне ответил примерно следующее: «Ты человек, а тебя обзвали верблюдом, докажи, что ты не верблюд, а человек».

Казалось бы, чего проще разрешить эту несложную задачу. Однако, как это мне сейчас рисуется, сделать это не так уж просто, ибо где же видано, чтобы гречневая каша себя не хвалила.

Да, с точки зрения коммунистической этики и морали, задача не из приятных, тем не менее вопрос жизни и смерти (моральной, конечно), и придется биться изо всех сил.

Прежде всего, сама формулировка постановления о моем исключении не совсем точно выражает ту действительную подоплеку, которая явилась решающим моментом – быть мне или не быть в рядах РКП (это мое глубочайшее убеждение, и если я ошибаюсь – тогда окончательно отказываюсь что-либо понимать вообще).

Несколько слов относительно своего социального происхождения, так как на сей предмет у тов. Хохлова были некоторые сомнения – он недоумевал: как так сын рабочего мог получить среднее образование и к тому же в анкете о своем происхождении сообщает, что он крестьянин, а профессию присваивает себе электромонтера-электротехника, т. е. квалифицированного работника. Дабы раз и навсегда рассеять по этому поводу всякие недоумения, как у тов. Хохлова, так и вообще у всех сомневающихся, я позволю себе возможно короче обрисовать обстановку, в которой появился на белый свет, рос, жил и воспитывался. (Считаю это важным отметить, так как, на мой взгляд, пролетарская революционная идеология определяется не только непосредственной работой у станка, но и окружающими объективными условиями.)

Итак, начну с моего отца – Аллилуева Сергея Яковлевича – он по происхождению крестьянин, основная профессия его слесарь, наряду с этим работал в качестве смазчика, кочегара, токаря, монтера, электромонтера, паровозного машиниста, типографского работника, электротехника – короче говоря, – рабочий наивысшей квалификации и несомненно способный человек».

Далее Павел сообщает биографические сведения об отце, о чем я писал выше, о той атмосфере, которая царила в доме подпольщика, ставшем явочной квартирой, о том, что дети постоянно выполняли поручения отца и его товарищей, таких, «как Шелгунов, Калинин, Сталин, Енукидзе, Кржижановский, Смирнов, Шаумян, Савченко, Кавтарадзе, Элиава» и многие другие. Постоянное кочевание семьи приучило детей учиться урывками, пользоваться услугами студентов, курсисток, особенно охочих «до всякого рода либеральной благотворительности». Осев в Питере, «отец имел возможность дать нам среднее образование».

«Мне, как наиболее старшему и отставшему от своих сверстников, пришлось в 1911 году при Петербургском Учебном Округе держать экстерном экзамен за курс реального училища, после чего (сознаюсь, что по настоянию отца, который хотел, чтобы я узнал жизнь рабочего такую, какой она есть в действительности) поступил на электрическую станцию в качестве помощника электромонтера-кабельщика и одновременно в Питерский политехникум на Электротехническое отделение, совмещая, таким образом, службу с дальнейшим завершением своего образования, которое, к сожалению, сделать не удалось по многим обстоятельствам – ушел со 2-го курса. В 1913 году во время забастовки на станции я был избран Уполномоченным от рабочих-кабельщиков и как наиболее грамотный из них составлял требования к Администрации, в которых выдвигались как экономические, так и политические требования. И как уполномоченный от рабочих вел переговоры с администрацией станции и прочее. В результате этой забастовки был арестован и сперва содержался в Охранном отделении, а затем в тюрьме предварительного заключения, но так как бастовавшие рабочие обуславливали прекращение забастовки лишь после моего освобождения, я вскоре был освобожден. В начале 1915 года, прослужив 4 года на электростанции, я был мобилизован и служил рядовым в Авточастях, а затем рядовым же в пехоте. Февральская революция застала меня в Новгороде, где я служил в 177 пехотном запасном полку. В марте 1917 года я записался в Р.С.Д.Р.П. (большевиков). В таком захолустье, как Новгород, партийцев-большевиков было в те далекие времена очень немного, и по своей партийной квалификации они были примерно такого же уровня, как и я, с той лишь разницей, что я был хорошо грамотен, а они плохо или вовсе безграмотными. Исключением среди нас были два-три старых большевика, как то Витковский и Ионов (с Витковским в 20-м году я встречался в XI армии, где он был в то время Начпоармом XI, а Ионов, кажется, до сих пор работает в новгородской организации), которые были по горло завалены пропагандистской работой среди гарнизона и местных рабочих организаций, и вот, в силу изложенных обстоятельств, т. е. отсутствия более подходящего кандидата, я был назначен вторым секретарем Новгородской Организации, выполняя всевозможную канцелярскую работу и все, что по тем временам приходилось делать более-менее интеллигентным партийцам-большевикам.

В мае 1917 года в качестве представителя Новгородской Организации большевиков я был делегирован на областную партийную Конференцию в Питер, происходившую во дворце Кшесинской, где видел и слышал Ильича (как курьез вспоминаю маленькое затруднение, которое волновало меня и второго товарища от нашей организации – дело в том, что в числе прочих вопросов порядка дня Конференции стоял также пункт – «Доклады с мест», а так как ни я, ни мой коллега ораторами не были и докладов никогда не делали, а тем более на такой многолюдной конференции, да еще в присутствии самого тов. Ленина, – мы упали было совсем духом и нервничали чрезвычайно; в конце концов из этого затруднения нас вывела Надежда Константиновна, согласившись принять доклад со всеми цифровыми выкладками у нас в письменном виде).

В июне месяце того же года с маршевой ротой своего полка я отправился на Двинский фронт, имея указания относительно нашей линии поведения в случае наступления. Был зачислен рядовым в 88-й Петровский полк и вскоре от своей роты делегирован солдатами в Полковой Комитет, в котором как большевик был в единственном числе, и лишь после сорвавшегося

июльского наступления Керенского нам, большевикам, удалось привлечь на свою сторону значительное количество товарищей Полкового Комитета.

Незадолго до Октябрьского переворота участвовал на Съезде солдатских депутатов в 22-й Пехотной дивизии, а впоследствии, перед самым Октябрем, был делегирован на съезд 1-го Армейского Корпуса, где нас – большевиков было значительное меньшинство, и нам с тов. Мухаперцем (впоследствии один из Начдивов Красной Армии под Царицыном) пришлось выдержать немало яростных атак со стороны оборонцев и эсеров. Между прочим, одним из таковых был в то время т. Егоров, ныне он Главнокомандующий Украинской Армии и член РКП, а я волею тов. Хохлова, увы – беспартийный. Чего не случится в жизни...

После Октябрьского переворота я был избран председателем Революционного Комитета 22-й Пехотной дивизии (комиссар этой дивизии тов. Герасимов, член партии с 1901 года, ныне работает в Москве в Бумагопрядильном Тресте заместителем Председателя) и в этой роли работал до октября 1918 года, покинув дивизию по ее расформированию. Затем уехал в Питер к себе домой, где выяснил, что Владимир Ильич в июльские дни до своего отъезда в Сестрорецк к Емельянову вместе с тов. Зиновьевым скрывался в нашей квартире. Затем вскоре переехал в Москву, где работал на электрической станции в качестве электромонтера и электротехника. В сентябре мес. 1919 года был мобилизован в ряды Красной Армии. (Здесь считаю необходимым отметить следующее обстоятельство, приобретающее теперь весьма важное, принципиальное значение, а именно: мои товарищи по работе на станции, как работники предприятий государственной важности, были освобождены от мобилизации, я же от этой привилегии отказался и, таким образом, фактически в Красную Армию пошел добровольно, хотя во всех анкетах пишу, что по мобилизации), и зачислен красноармейцем 39-го Стрелкового полка, где прослужил сравнительно недолго, т. к. как коммунист, специалист электрик был командирован на Электро-Технические курсы красных командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии (бывшая электротехническая офицерская школа), которую закончил по телефонно-телеграфному отделению в 1919 году. В сентябре месяце того же года получил назначение Начальника Связи 159-го Стрелкового полка на Архангельском фронте, где одновременно совмещал обязанности председателя полкового коллектива РКП, председателя полкового суда и председателя товарищеского партийного суда. Все эти обязанности давали мне перед всеми остальными сослуживцами очень почетную привилегию, а именно – быть в трудную и опасную минуту впереди, ибо кому же, как не председателю полковой организации РКП, показывать пример, как надо защищать интересы революции и партии. И сейчас с чувством исполненного долга я заявляю, что здесь – на поле брани – я свой долг исполнил до конца. На мое счастье, живые свидетели моего пребывания в полку имеются, и один из них – бывший комиссар полка тов. Иссерсов ныне находится в Москве, слушателем Высшей Академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

После взятия Архангельска и ликвидации Архангельского фронта наш полк в марте 20-го года был переброшен на Мурманский фронт, откуда телеграммой Склянского я был срочно вызван в Москву. Оказалось, что Владимир Ильич, повстречавшись с моей матерью и выяснив, что она совершенно одна, т. к. второй брат мой был тоже на фронте, одна сестра в Царицыне, другая где-то на Украине, а отец, работавший в то время в Криворожье, попал в плен к Деникину и были сведения, что он расстрелян (впоследствии это не оправдалось), просил Склянского, чтобы тот отозвал меня с фронта в Москву. Выяснив причину своего вызова, я обратился к тов. Склянскому с просьбой отправить меня обратно на фронт, но он без распоряжения Владимира Ильича сделать это отказался, пришлось просить Ильича, причем он дал свое согласие лишь после того, как моя мать подтвердила, что она не возражает против моего отъезда на фронт...

В мае месяце 20-го года я прибыл в XI армию и служил в качестве Начальника Эксплуатационно-технического отделения Отдела Связи 28-й Стрелковой дивизии, был на Азербайджанском, Персидском и армянском фронтах. Затем командовал Отдельной Эксплуатацион-

ной ротой связи XI армии, выполняя в том и другом случае партийную и просветительную работу. В начале 1921-го года вступил в исполнение должности для поручений при Начальнике Связи Красной Армии, а уже через неделю его же распоряжением был командирован в Тамбов для организации связи войск Тамбовского района, боровшихся с Антоновскими бандами и вступил в должность Начальника Оперативно-Технического узла Поезда Связи Специального Назначения.

По ликвидации Антоновского восстания вместе с Поездом был переброшен в Саратов, где оперировали банды Попова. Затем вместе с Поездом был переброшен в Витебский район, где оперировали банды Булак-Булаховича. Выполнял одновременно, помимо своей основной должности, обязанности Начальника Связи Витебского района и командира Поезда. По ликвидации бандитизма и на этом участке в начале 1922 года Поезд перебрасывается на Карельский фронт против белофинских банд. Весной 1922 года Поезд опять перебрасывается на Бухарский фронт против басмаческих банд, где я сперва совмещаю свою основную должность с обязанностями Командира Поезда и Начальника Связи Бухарского фронта, а впоследствии, когда банды басмачей сбиваются с ближайших районов и отходят в глубь Бухары к границам Индии и Афганистана, я вместе с Полевым Штабом отправляюсь в глубь бухарских дебрей, где оперировал в 500 верстах от ж. д. Сообщение здесь исключительно на ослах, верблюдах и лошадях – условия борьбы для нас, европейцев, были сопряжены с чрезвычайными трудностями – 70° жара, отсутствие хорошей питьевой воды, почти поголовная тропическая малярия и прочие трудности чрезвычайно осложняли наши операции, но в конце концов и на этом последнем фронте дела завершились блестящим успехом – возвращаемся в Поезд и, наконец, в Москву. Забыл оговориться, что за все трехлетнее свое пребывание в Поезде я почти непрерывно состоял председателем культурно-просветительной комиссии Поезда и руководителем всевозможных кружков, партторгом ячейки, членом бюро ячейки, короче говоря, все время работал в этой области по мере сил и умения (все документы, подтверждающие изложенное – сейчас взял из Поезда).

В ноябре 1923 года из Поезда был откомандирован в Научно-Испытательный Институт Управления Связи Красной Армии на должность Помощника Военного Комиссара названного Института, а два месяца тому назад, по откомандировании комиссара Института тов. Скалова в распоряжение ЦК РКП, я был назначен Комиссаром Института.

Момент моего перехода из Поезда в ячейку ПУРа совпал с проходящей в то время горячей дискуссией – явления для меня совершенно нового, т. к. за все время пребывания на фронтах не доводилось слышать чего-либо подобного. Одним словом, в вопросах дискуссии я, вероятно, был одним из невежественнейших представителей ячейки, и мне пришлось основательно поработать, дабы основательно разобраться во всей этой каше. А так как Пуровская ячейка (ни для кого это сейчас не секрет) была на 90 % оппозиционна, а я, в силу своего прошлого, был связан с лицами, не разделявшими этой линии, и в то же время мне хотелось не механически, а вполне продуманно разобраться во всех этих событиях, я одновременно с ячейкой ПУРа посещал также и другие ячейки, в которых обе стороны были представлены в более удачной пропорции, чем у нас, где и наблюдал не одностороннюю прокламацию какой-либо позиции, а борьбу двух партийных мнений и в конце концов вполне сознательно определил свое отношение к происходящим событиям партийной жизни.

После 13-й Парт. Конференции, кажется в феврале мес, ячейка ПУРа выделила из себя вторую ячейку ГДУВВ, причем при избрании Бюро второй ячейки моя кандидатура выдвигалась в Бюро, но так как я был для окружающих лицом новым, – в результате голосования я не прошел, о чем не сожалел, т. к. не считал себя достаточно подготовленным для активной работы ячейки со столь высокой партийной квалификацией, кроме того, я себя не считал достаточно ориентированным как в новой обстановке, так и в людях.

Помимо всего прочего, поставил себе задачей повысить свою политическую квалификацию вообще и согласовать таковую с требованиями соответствующих парторганов. С основания кружка Ленинизма работаю в нем по изучению революционного движения в России и истории РКП. (Это расходится с пунктом постановления Проверочной Комиссии о моей оторванности от активной партийной жизни.)

Разбираясь в существе задачи, поставленной партией в вопросах чистки, где она стремится освободить свои ряды от совершенно определенных категорий, указанных в соответствующих циркулярах, постановлениях и дискуссионных статьях, а именно: примазавшиеся, социально чуждый элемент, карьеристы, преступно разложившиеся в результате НЭПа и служебного положения, политически костно неграмотные, склочники, обюрократившиеся, оторвавшиеся от массы, от Партии, неустойчивые, колеблющиеся и закомиссарившиеся и т. д. и т. п.

Оглядываясь на свое прошлое и настоящее при самом строгом к себе отношении, я ни в какой степени к какой бы то ни было из перечисленных категорий себя не причисляю.

Считаю, что даже в случае, если бы обвинения, инкриминированные против меня, даже на все 100 % соответствовали действительности, то и в этом худшем для меня случае у Комиссии не было достаточных оснований разрешать этот вопрос так, как он был ею разрешен, ибо к фронтовику (имею орден Красного Знамени, представлен ко второму), пробывшему всю Революцию на 12-ти фронтах в постоянно напряженной боевой обстановке, в условиях, когда газеты не читались месяцами (и не получались месяцами, а центральные почти отсутствовали вовсе), предъявление мне обвинения в политической отсталости (только в такой форме признал бы правильной формулировку обвинения – политически безграмотным себя категорически отказываюсь считать) и считаю это не чем иным, как цинизмом и глумлением над заслугами Красной Армии. И коммуниста (тов. Хохлова), который не смог проявить достаточной чуткости в таком вопросе, я категорически отказываюсь понимать и уважать. Мне казалось бы, что работа в таком серьезнейшем из серьезнейших и ответственный партийном вопросе, как чистка партии, – цель которого поднять авторитет партии, обязывает товарищей относиться с максимальным вниманием к своей работе, постоянно памятуя о двойной ответственности Комиссии как перед партией в целом, так и перед каждым из тех, кого они чистят, дабы свести к минимуму неизбежные в таких делах ошибки, и не пятнать авторитета органа чистки грубыми промахами, граничащими с неряшливым отношением к своим обязанностям. Если расстроенному воображению тов. Хохлова я представился в форме социально враждебного интеллигента, к которому он признал необходимым применить определенную партийную репрессию вплоть до выбрасывания из партии, то мне, в свою очередь, тов. Хохлов рисуется в виде «сверхчеловека», на которого я могу смотреть лишь со страхом снизу вверх, т. к. он в течение 5-ти минут способен разрешать такие вопросы, как исключение из партии коммуниста-фронтовика с дооктябрьским стажем, не имея к тому даже намека на компрометирующий материал.

Делясь впечатлениями о своей чистке и выкатке из партии с многими старейшими и авторитетнейшими в вопросах партийной этики и честности товарищами, доверие которых ко мне не поколебала моя чистка, я убедился, что все то, что я изложил в настоящем заявлении, вполне разделяется ими. Между прочим, один из них, старый большевик-каторжанин, знающий лично тов. Хохлова, уверил меня в том, что на решение Комиссии относительно моего исключения сильное влияние могло оказать отсутствие грязи под ногтями (признак, по которому некоторые товарищи, у которых недостаточно развита сущность классового чутья, определяют пролетарское происхождение) и наличия на мне достаточно приличного костюма. Ну в данном случае я не повинен, так как с головы до ног обмундирован в казенное обмундирование, сейчас не 18–19-й год, когда Красная Армия ходила в лаптях и т. д., а одевать специальный костюм и заводить грязь под ногтями по случаю чистки не считал нужным.

И наконец, в последний момент, явившийся несомненно большой ложкой дегтя в разрешении моей судьбы, а именно – вопрос о моей жене. Один из членов Комиссии, узнав, что моя жена происходит из поповской семьи, заметил что-то вроде того, что это – весьма существенно, после чего мне было заявлено, что ко мне у Комиссии больше никаких вопросов нет. Дабы и в этом вопросе не было никаких сомнений, считаю необходимым пояснить, что моя жена в самое тяжелое для Революции и Партии время, а именно 18, 19, 20-е годы состояла членом РКП и выбыла из партии механически по семейным обстоятельствам. Всю Революцию работала в Советских, военных и партийных организациях и лишь всего месяц тому назад по сокращению штата уволилась из Учраспреда ЦК РКП, где она работала в последнее время.

Таким образом, и с этой стороны вины за собой не чувствую.

В заключение считаю необходимым сказать, что многие чисто семейные стороны нашей жизни, которые донныне каждый из нас как реликвию хранил в тайниках своего сердца, я, защищаясь от незаслуженных обвинений Комиссии, был вынужден изложить здесь на бумаге.

Мой служебный адрес: 2-й дом Реввоенсовета – Красная площадь, Научно-Испытательный Институт.

П. Аллилуев.

12 мая 1924 года».

В этом человеческом документе, как мне представляется, хорошо отразилась обстановка тех лет, отношение партийцев к званию коммуниста, уровень требований. И методы отдельных коммунистических царьков, решающих судьбы людей «от имени партии». Заявление Павла проливает свет и на «историю» телеграммы В.И. Ленина В.М. Склянскому по поводу «красноармейца Павла Сергеевича Аллилуева», которая ныне по-всякому комментируется в печати.

После рассмотрения заявления Павла восстановили в партии. Вскоре он назначается начальником Норильской горно-изыскательской экспедиции и уезжает на год за Полярный круг. Вернувшись, он заканчивает в 1925 году ВАК РККА. В конце 1926 года он вместе с семьей – женой Евгенией Александровной и дочерью Киной – направляется в Германию в качестве сотрудника Торгпредства СССР, там он пробыл до апреля 1932 года. В Берлине родились его сыновья – Сергей (16 апреля 1928 года) и Александр (18 апреля 1931 года). Вернулся Павел со своими домочадцами в Москву весной 1932 года.

Последние годы жизни он пребывал на посту главного комиссара бронетанковых войск.

Был он человеком искренним, с открытой, но строгой душой, если чувствовал несправедливость, всегда вступался. Но и принципами не поступался. Может быть, поэтому авторитет Павла был очень высоким.

В свою последнюю осень 1938 года он отдыхал в Сочи. Ясным октябрьским днем он заехал к В.К. Блюхеру, и было это за несколько дней до ареста маршала. В.К. Блюхер, как потом писала его супруга Глафира в книге «Шесть лет с Владимиром Константиновичем», был недоволен этим приездом. Мол, «еще один приезжал прощупать Блюхера». Только много лет спустя, продолжает вспоминать Глафира, я узнала, что П.С. Аллилуев приезжал совсем не за тем, а просто он хотел помочь В. К. Блюхеру.

Так ли это, мне сегодня судить трудно – Павел вернулся в Москву 1 ноября 1938 года, а вечером 2 ноября в кабинете моего отца в нашей алма-атинской квартире зазвонил телефон. Трубку сняла моя мама, Анна Сергеевна. Она что-то ответила и вдруг страшно закричала. Из Москвы сообщили о скоростижной смерти ее старшего брата Павла Сергеевича Аллилуева. Ему было только 44 года. И он лишь вчера вернулся из санатория...

Мама сразу выехала в Москву, но путь неблизкий, и она не успела на похороны. Эта внезапная смерть потрясла всю нашу семью. Мама задержалась в столице, чтобы как-то поддержать бабушку Ольгу Евгеньевну и дедушку Сергея Яковлевича, в не меньшей заботе нуждались вдова и дети Павла Сергеевича.

В те скорбные дни наша семья и не подозревала, какой страшный удар скоро вновь обрушится на нее. И быть может, смерть Павла многое в нем предрешила. Пока же поставим здесь многоточие...

Надежда

Самая младшая из детей Сергея Яковлевича и Ольги Евгеньевны Аллилуевых Надежда и жизнь, как оказалось, имела самую короткую. О ее трагической судьбе хорошо и подробно рассказала ее дочь Светлана Аллилуева в известных «Двадцати письмах к другу», и я не стал бы ворошить эту тему, если бы не горы лжи и тенденциозно-причудливых фантазий, обрушившихся на головы доверчивых читателей в последнее десятилетие.

Хочу сразу разочаровать авторов, которые для придания большей достоверности своим измышлениям ссылаются на какие-то свидетельства деда или моей матери, все это преднамеренная ложь. Никто и никогда в нашей семье не сомневался, что Надежда покончила жизнь самоубийством. Более того, ее осуждали за этот жестокий поступок.

Впервые я услышал об этой истории от моей бабушки Ольги Евгеньевны в 1950 году в ее кремлевской квартире. Вот что она мне тогда рассказала.

Восьмого ноября 1932 года Сталин и Надежда были в Большом театре, между ними тогда произошла какая-то неприятная ссора, и Надежда пребывала в заметном напряжении. В тот же вечер на банкете по случаю XV годовщины Октября Сталин шутя бросил ей в тарелку апельсиновую корку (у него действительно была такая насмешливая привычка, и он часто шутил так с детьми, о чем мама с улыбкой писала в своих воспоминаниях о детских годах) и крикнул ей:

– Эй, ты!

– Я тебе не «эй, ты»! – вспыхнула Надежда и, встав из-за стола, ушла с банкета. Вместе с Надеждой ушла и Полина Семеновна, жена Молотова. Она догнала Надежду и долго гуляла с ней по Кремлю. Надежда как будто успокоилась, и Полина Семеновна проводила ее домой, а утром Надежду нашли в ее комнате мертвой с огнестрельной раной. В руках у нее был маленький дамский пистолет, который однажды так неосторожно подарил ей брат Павел.

Бабушке сообщили о случившемся сразу, как только обнаружили труп, и она на подкашивающихся ногах едва добежала до квартиры Сталина. Там уже были Молотов и Ворошилов. Был врач. Бабушку встретил совершенно убитый и ошеломленный случившимся Сталин. Ольге Евгеньевне стало совсем плохо, и врач принес ей рюмку с валерианкой. Бабушка рюмку взяла, но выпить капли не смогла, спазм сдавил ей горло, рюмка беспомощно болталась в трясущейся руке. Сталин обнимал бабушку за плечи, пытаясь успокоить, и, поняв, что валерьянку ей не впить, взял от нее рюмку и потом, махнув рукой, сказал:

– А, давай я сам ее выпью.

С тех пор прошло много лет, и я не раз наблюдал, как бабушка, стоя у могилы Надежды на Новодевичьем либо у нас дома, глядя на портрет дочери работы С.В. Герасимова, который и по сей день висит у меня, видимо, мыслями возвращаясь в то страшное утро, тихо упрекала Надежду: «Как же ты могла это сделать?»

Этот вопрос и по сей день не дает мне покоя. Как?.. И было ли это самоубийство Надежды предопределено всем ходом ее жизни? Мне, родившемуся через три года после смерти Надежды Сергеевны, трудно судить об этом. И то, о чем я пишу, основано на воспоминаниях моей матери, бабушки, Евгении Александровны, жены Павла Сергеевича, а также других моих родственников, на глазах которых проходили последние годы жизни Надежды.

Прежде всего мне кажется, что это была чисто человеческая драма, замешенная на двух очень жестких характерах (трудно даже сказать, у кого из них – у Надежды Сергеевны или у Сталина – был более жесткий характер), влияние оказали большая разница в возрасте (в 1932 году Сталину было 53 года, а Надежде 31) и чисто психологические, национальные особенности в их мировосприятии. Светлана в «Двадцати письмах к другу» деликатно говорит о педантичности и сухости Надежды Сергеевны, слишком серьезно относившейся даже к мелочам,

а вот Кира, старшая дочь Павла, прямо признается, что она никогда не боялась Сталина, а Надежду за ее сухость и строгость побаивалась сильно.

Жесткость характера Надежды проявлялась с раннего детства. Моя мать в «Воспоминаниях» приводит такой эпизод. В 1911 году, когда Наде было десять лет, ей для перехода в другую гимназию потребовалось свидетельство о причащении. В церкви Надежда так независимо и недобро отвечала священнику, что тот, поразившись, сказал сокрушенно: «Ну и колючая у тебя сестра, почаще ей надо священные книги читать».

Мне кажется, некоторые природные склонности в характере Надежды были подстегнуты еще в детстве совсем не детской обстановкой полулегальной и нелегальной жизни семьи. В заявлении Павла, воспроизведенном выше, есть такие примечательные строки: «Мы – дети как наиболее удобное, с точки зрения конспирации, средство привлекаемся для выполнения всякого рода несложных, но ответственных поручений, как-то: связь с конспиративными квартирами, разнос литературы, писем, расклейка прокламаций и, как это сейчас ни странно, переноска и перевозка патронов, револьверов, типографского шрифта для нелегальных типографий и прочее. Короче говоря, детям не боялись давать самые рискованные поручения, и, насколько сейчас припоминаю, мы скорее инстинктивно понимали каждый раз какую ответственную задачу выполняем, и не разбалтывали, чего не нужно, ни своим сверстникам – товарищам по играм, ни охранникам, хотя последние пытались угощать нас конфетами и лаской пробовали заслужить наше расположение. Насколько сейчас помню, провала из-за нас – детей, ни разу не случилось».

Надежда рано повзрослела, ее хрупкая внутренняя впечатлительность и ранимость усилием воли были старательно упрятаны плотным панцирем, она не любила обнаруживать свои слабости. Ее будто сжигала постоянная внутренняя борьба, жажда самоутверждения.

Семейные конфликты начались рано. Уже по приезду в Москву в 1918 году, когда едва минули первые медовые месяцы, возник конфликт, длившийся почти месяц. О нем рассказали писателю А. Беку секретарь СНК и СТО Л.А. Фотиева и стенографистка В. И. Ленина М.А. Володичева, когда он брал у них интервью для своей книги «Новое назначение». Причиной ссоры была мелочь: Сталин говорил Надежде «ты», а она обращалась к нему на «вы» и никак не соглашалась на «ты». Такие вот разные они были люди.

Вскоре Надежда со Сталиным уезжает на Царицынский фронт, а с 1919 года работает в аппарате СНК и в редакции журнала «Революция и культура». В декабре 1921 года во время чистки партии она исключается из ее рядов (вступила в кандидаты в члены ВКП(б) в 1918 году).

Узнав об этом, В.И. Ленин пишет записку П.А. Залуцкому и А.А. Солцу:

«До меня дошло известие об исключении из партии Надежды Сергеевны Аллилуевой. Лично я наблюдал ее работу как секретарши в Управлении делами СНК, т. е. мне очень близко. Считаю, однако, необходимым указать, что всю семью Аллилуевых, т. е. отца, мать и двоих дочерей, я знаю с периода до Октябрьской революции. В частности, во время июльских дней, когда мне и Зиновьеву приходилось прятаться и опасность была очень велика, меня прятала именно эта семья, и все четверо, пользуясь полным доверием тогдашних большевиков-партийцев, не только прятали нас обоих, но и оказывали целый ряд конспиративных услуг, без которых нам бы не удалось уйти от ищеек Керенского. Очень может быть, что, ввиду молодости Надежды Сергеевны Аллилуевой, это обстоятельство осталось неизвестным комиссии. Я не знаю также, имела ли возможность комиссия при рассмотрении дела о Надежде Сергеевне Аллилуевой сопоставить сведения об ее отце, который работал в разнообразных функциях по содействию партии задолго до революции, оказывая, как я слышал, серьезные услуги нелегальным большевикам при царизме.

Считаю долгом довести эти обстоятельства до Центральной комиссии по очистке партии.

20 декабря 1921 года в 20 часов»².

Это заступничество Ленина и само заявление Надежды, еще от 12 декабря того же года, возымели действие, дело ее было пересмотрено, Надежду перевели в кандидаты партии, и ее партстаж в дальнейшем исчислялся без перерыва – с 1918 года.

К этому времени у Надежды и Сталина родился первенец – Василий. Перед родами Надежда ушла из дома, и никто не знал, где она находится. Родился Василий в каком-то родильном доме на окраине Москвы.

В детстве и юности Надежда всегда была окружена заботой и любовью, как самой младшей ей перепадало душевного тепла даже больше других. Рядом с ней постоянно находились взрослые, готовые ее поддержать и подбодрить. Она часто и подолгу жила в семье близких друзей Сергея Яковлевича и Ольги Евгеньевны – Ивана Ивановича и Алисы Ивановны Радченко, с которыми сохранила до конца своей жизни самые дружеские отношения. И.И. Радченко, один из членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент «Искры», давал ей рекомендацию в партию, когда она переводилась из кандидатов в члены. Кстати, отличавшиеся немецкой педантичностью традиции семьи Радченко, видимо, и наложили свой характер на личность Надежды.

После замужества круг близких людей Надежды как-то неожиданно оборвался – отец пропал без вести, гражданская война забрала двух братьев на фронт, сестра, выйдя замуж, оставила Москву. Рядом с ней самым близким человеком оказался муж, но он был намного старше, и, главное, его все больше и больше отбирала у нее работа, он практически уже не принадлежал себе самому и внимания молодой жене мог уделять все меньше и меньше. Надежда разумом понимала все, но чувства бунтовали. Конфликт между этими по-своему любившими друг друга людьми развивался то приливами, то отливами, то замирал, то разгорался, что и привело, наконец, к трагической развязке. Видимо, она принадлежала к такому типу женщин, которые были максималистами в любви. Логично предположить, что Надежда очень любила Сталина, и это чувство было настолько сильным, всепоглощающим, что не оставляло даже места для любви к детям. К тому же ее постоянно снедало чувство ревности (мне в семье многие говорили, что Надежда была очень ревнивой), а «доброхотов» из числа ее окружения хватало, чтобы это чувство подогревалось. Между прочим, причиной их последней роковой ссоры в Большом театре была именно ревность. Надежде вдруг показалось, что Сталин как-то не так посмотрел на одну из балерин.

Но были еще причины иного рода. Видимо, трудное детство не прошло даром, у Надежды развивалась тяжелая болезнь – окостенение черепных швов. Болезнь стала прогрессировать, сопровождаясь депрессиями и приступами головной боли. Все это заметно сказывалось на ее психическом состоянии. Она даже ездила в Германию на консультацию с ведущими немецкими невропатологами. Эту поездку ей устроил Павел Сергеевич, работавший в то время торгпредом в Германии. Врачи предписали ей полный покой и запретили заниматься какой-либо работой.

Вот и накладывалось одно на другое. Скандалы вспыхивали, как сухая солома жарким летом, и чаще по пустякам. Надежда не раз грозилась покончить с собой. И трагедия совершилась...

Сталин переживал самоубийство жены тяжело и болезненно. Его долгое время боялись оставлять одного. Кто-нибудь из семьи обязательно был рядом. Моя мать, бабушка или Евгения Александровна, жена Павла, ночевали у него в кремлевской квартире.

В день похорон 11 ноября 1932 года гроб с телом Надежды был установлен для прощания в здании, где теперь располагается ГУМ. Все время, пока шла процессия прощания, у изголовья гроба стояла моя мама и вытирала платком сукровицу, вытекавшую из уголка рта

---

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 54, с. 82.

покойной. Когда эта печальная церемония подходила к концу, в зал вошел Сталин. Постояв несколько минут около покойной, он вдруг сделал движение руками, как бы отталкивающее от себя гроб, и проговорил:

– Она ушла, как враг!

Затем повернулся и пошел к выходу. Взгляд его наткнулся на Павла.

– Ты подарил ей пистолет?

– Да, – упавшим голосом пробормотал Павел.

– Нашел чего подарить!

Уже выходя из зала, Сталин обернулся к Енукидзе.

– Ты ее крестил, ты ее и хорони, – сказал он и ушел. На Новодевичье кладбище, где хоронили Надежду, он не пришел. У многих членов нашей семьи, и у меня в том числе, было убеждение, что обида на Надежду за самоубийство была столь глубока, что Сталин никогда так и не приходил на ее могилу. Но оказалось, что это не так.

Есть свидетельство очевидца, что в октябре 1941 года, когда судьба Москвы висела на волоске и предполагалась эвакуация правительства в Куйбышев, Сталин приехал на Новодевичье проститься с Надеждой. Сотрудник охраны Иосифа Виссарионовича А.Т. Рыбин, долгие годы бывший рядом с ним, утверждает, что Сталин несколько раз ночью приезжал на Новодевичье и подолгу молча сидел на мраморной скамейке, установленной напротив памятника.

Также, оказалось, интересовал его и памятник, вскоре сооруженный на могиле жены. Директор Новодевичьего кладбища С.Ф. Сосенкин рассказал мне: не так давно к нему в кабинет вошел посетитель и поинтересовался, куда исчезла чугунная роза, лежавшая у основания стелы с бюстом Надежды. Станислав Федорович заверил его, что роза цела, ее убрали, чтобы уберечь от возможной кражи. Увы, нравы сегодня таковы. В разговоре выяснилось, что посетитель этот не простой, он сам отливал изящную розу из чугуна и сам лично показывал ее Сталину.

Кстати, памятник делал знаменитый символист И. Шадр, и композиция памятника с изваянием руки, как бы лежащей на плече Надежды, прямо говорит о том, что она наложила на себя руки.

Сталин горько переживал случившееся, называя этот Надеждин акт предательством. В первом номере журнала «Источник» за 1993 год впервые были опубликованы фрагменты из дневника Марии Анисимовны Сванидзе, жены брата первой жены Сталина, за 1933–1937 годы, хранящегося в его личном архиве.

9 мая 1935 года она записывает в дневнике: «...Заговорили о Яше. Тут И(осиф) опять вспомнил его отвратительное отношение к нашей Надюше, его женитьбу, все его ошибки, его покушение на жизнь, и тут И. сказал: «Как это Надя, так осуждавшая Яшу за этот его поступок, могла сама застрелиться. Очень она плохо сделала, она искалечила меня». Сашико вставила реплику – как она могла оставить детей? «Что дети, они забыли ее через несколько дней, а она меня искалечила на всю жизнь. Выпьем за Надю!» – сказал Иосиф. И мы пили за здоровье дорогой Нади, так жестоко нас покинувшей. Женя сказала: «У Нади были приступы тоски, Надя была больна – (это со слов Канель я сказала Нюре и Жене)». – «Я этого не знал, я не знал и того, что она постоянно принимала соfein, чтоб подбадривать себя». (Канель мне сказала после смерти Нади, что при просвечивании рентгеном установили, что у нее был череп самоубийцы.) Не знаю, так ли это, во всяком случае, у нее был ранний климакс и она страдала приливами и головными болями».

Еще одна запись – 17 ноября того же, 1935 года: «За ужином говорили о Васе. Он учится плохо. И. дал ему 2 мес. на исправление и пригрозил прогнать из дому и взять на воспитание 3-их вместо него способных парней. Нюра плакала горько, у Павла тоже наворачивались на глаза слезы. Они мало верят в то, что Вася исправится за 2 мес, и считают эту угрозу уже осуществившейся. Отец верит, наоборот, в способности Васи и в возможность исправления.

Конечно, Васю надо привести в порядок. Он зачванился тем, что сын великого человека, и, почивая на лаврах отца, жутко ведет себя с окружающими. Светлану отец считает менее способной, но сознающей свои обязанности. Обоих он считает холодными, ни к кому не привязанными, преступно скоро забывшими мать...»

Что касается всяких слухов и домыслов относительно смерти Надежды, то они клубились еще в то время. Моя мама часто заговаривала об этом со Сталиным, но он только пожимал плечами и отвечал: «На каждый роток не накинешь платок».

В существование какого-то «ужасного письма», которое якобы оставила Надежда, я абсолютно не верю. Так или иначе, это было бы обязательно известно в семье. Да и вообще Надежда была тогда в таком состоянии, что ей было не до писем и политических сочинений. А вот версия о том, что на тумбочке в спальне Надежды лежал экземпляр «Платформы Рютина», который ей мог дать сам Сталин, вполне убедительна. Перепуганный персонал мог в суматохе принять этот документ за предсмертное письмо Сталину, породив кривотолки и слухи.

В своей книге «Двадцать писем к другу» Светлана, как бы переключаясь с этой версией, пишет: «Я часто думаю, какая судьба ждала ее дальше, если бы она не умерла? Ничего хорошего ее не ждало. Рано или поздно она оказалась бы среди противников отца. Невозможно представить себе, чтобы она молчала, видя, как гибнут лучшие старые друзья – Н.И. Бухарин, А.С. Енукидзе, Реденс, оба Сванидзе – она бы не пережила этого никогда». Может быть, Светлана и права. Но... возможно и другое. Как человек внутренне честный и глубоко порядочный, Надежда могла бы за эти годы и помудреть, научилась бы лучше разбираться в людях, своей любовью и преданностью смягчить характер Сталина. И как знать, возможно, что-то в истории нашей страны оказалось бы менее тяжелым и кровавым. Как знать!

Конечно, смерть Надежды ожесточила Сталина и сделала его более одиноким. А вот любовь способна на чудеса. Я напому еще одно место из той же книги Светланы, где она вспоминает, как отец уже после войны рассказывал ей об одном эпизоде. Однажды после вечеринки в Промышленной академии, где училась Надежда, она пришла домой совсем больная, оттого, что пригубила немного вина, ей стало плохо. Сталин уложил ее, стал утешать, а Надежда сказала: «А ты все-таки немножко любишь меня». Эта ее фраза, видимо, является ключом к пониманию взаимоотношений между этими двумя близкими людьми. В нашей-то семье знали, что Надежда и Сталин любили друг друга.

И чтобы поставить точку в этой главке, я предлагаю читателю ознакомиться с их перепиской в 1928–1931 годах. Письма пролежали в личном архиве Сталина более пятидесяти лет. Лишь в 1992 году они были опубликованы в десятом номере журнала «Родина».

И.В. СТАЛИН – Н.С. АЛЛИЛУЕВОЙ

9 апреля 1928 г.

Передай Яше от меня, что он поступил, как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего. Пусть живет, где хочет и с кем хочет.

И. Сталин.

Н.С. АЛЛИЛУЕВА – И.В. СТАЛИНУ

28 августа 1929 г.

Дорогой Иосиф!

Как твое здоровье, поправился ли и лучше ли чувствуешь себя в Сочи? Я уехала с каким-то беспокойством, обязательно напиши. Доехали хорошо как раз к сроку. В понедельник 2/IX письменный экзамен по математике, 4/IX физическая география и 6/IX русский яз. Должна сознаться тебе, что я волнуюсь. В дальнейшем дела складываются так, что до 16/IX я свободна по крайней мере это сейчас так говорят, какие будут изменения в дальнейшем не знаю. Словом пока никаких планов строить не могу, т. к. все «кажется». Когда будет все точно известно

напишу тебе, а ты мне посоветуешь как использовать время. Москва нас встретила холодно. Приехали в переменную погоду – холодно и дождь. Пока никого не видела и нигде не была. Слыхала как-будто Горький поехал в Сочи, наверное побывает у тебя, жаль, что без меня – его очень приятно слушать. По окончании моих дел напишу тебе о результатах. Тебя же очень прошу беречь себя. Целую тебя крепко, крепко, как ты меня поцеловал на прощанье.

Твоя *Надя*.

P. S. Вася с 28/VIII ходит в школу.

И.В. СТАЛИН – Н.С. АЛЛИЛУЕВОЙ

29 августа 1929 г.

Татья!

28 августа послал тебе письмо по адресу: «Кремль, Н. С. Аллилуевой». Послал по аэропочте. Получила? Как приехала, как твои дела с Промакадемией, что нового, – напиши.

Я успел уже принять две ванны. Думаю принять ванн 10. Погода хорошая. Я теперь только начинаю чувствовать громадную разницу между Нальчиком и Сочи в пользу Сочи. Думаю серьезно поправиться.

Напиши что-нибудь о ребятах.

Целую. Твой *Иосиф*.

И.В. СТАЛИН – Н.С. АЛЛИЛУЕВОЙ

1 сентября 1929 г.

Здравствуй Татьяна!

Получил Твое письмо. А мои два письма получила? Оказывается, в Нальчике я был близок к воспалению легких. Хотя я чувствую себя много лучше, чем в Нальчике, у меня «хрип» в обоих легких и все еще не покидает кашель. Дела, черт побери...

Как только выкроишь себе 6–7 дней свободных, катись прямо в Сочи. Как дела с экзаменом?

Целую мою Татьяну.

И. Сталин.

Н.С. АЛЛИЛУЕВА – И.В. СТАЛИНУ

2 сентября 1929 г.

Здравствуй Иосиф!

Твое письмо от 29/VIII получила, другое от 28/VIII еще очевидно в дороге. Очень рада за тебя, что в Сочи чувствуешь себя лучше. Конечно, там ты поправишься, особенно, если будешь следить за собой. Как мои дела с Промакадемией, ты спрашиваешь. Теперь могу уже сказать, что лучше, т. к. сегодня был у меня экзамен по математике письменной, который прошел удачно, но в общем мне все же не везет, а именно: утром нужно было быть в ПА к 9-ти часам, я конечно вышла в 8 1/2 и что же, испортился трамвай, стала ждать автобуса – нет его, тогда я решила, чтобы не опоздать, сесть на такси, села и что же, отъехав саженой 100, машина остановилась, у нее тоже что-то испортилось. Все это меня ужасно рассмешило, но в конце концов в ПА я ждала два часа начала экзамена. Что нового? Право не знаю, т. к. до сих пор еще никуда не выбиралась, только в воскресенье была в Зуб(алово), там все в порядке. Пресека сделана, цыцарки живы и т. д. Грибов из-за отсут(ствия) дождей к сожалению больше нет, так что собрали совсем немного для тебя. Светлана, увидев только меня, сразу заявила, а почему мой папа не приехал.

Вчера звонил Микоян, интересовался твоим здоровьем и моими делами. Говорил, что будет у тебя. Кстати, должна тебе сказать, что в Москве всюду хвосты и за молоком и за мясом

гл(авным) об(разом). Зрелище неприятное, а главное, все же можно было бы путем правильной организации это все улучшить.

Срок начала занятий еще не выяснен, так что ничего не могу о нем написать. Завтра вторник, посылаю это письмо с очередной почтой к тебе. Думаю, что с сегодняшней почтой от тебя будет что-нибудь мне, очень жду, но, к сожалению, часы прибытия и отхода поездов не совпадают. Сегодня 2/IX вернулся из Нальчика Ворошилов, звонил и рассказывал, что остальное время он провел на Баксанах и очень доволен; в день его отъезда в Баксан туда приехал Серго с Рудзута-ком. Серго доехал очень спокойно и думает там остаться на несколько дней. Словом нам нужно было жить не в Нальчике, а прямо на Баксанах. Да, еще он ездил в Малую Кабарду и остался ею очень недоволен, говорит, похожа на Сахару, где от жары пропадает всякий интерес к охоте. Я разболталась забыв, что ты длинных писем не любишь. Пиши мне что-нибудь, тогда будет не так скучно. Я очень обрадовалась, получив от тебя письмо. Как только будут мои дела более ясны напишу обо всем остальном. А сейчас целую крепко тебя. До свидания.

Твоя *Надя*.

Р. С. Представь себе, что к экзамену мне помогает готовиться Федя, голова у него на редкость сохранилась, он также как прежде хорошо все объяснил мне, а занимались мы три дня, почти не вставая. С ним что-то нужно делать. Очень жаль его.

И.В. СТАЛИН – Н.С. АЛЛИЛУЕВОЙ

16 сентября 1929 г.

Татьяка!

Как твои дела, как приехала?

Оказывается, мое первое письмо (утраченное) получила в Кремле твоя мать. До чего надо быть глупой, чтобы получать и вскрывать чужие письма.

Я выздоравливаю помаленьку.

Целую. Твой *Иосиф*.

Н.С. АЛЛИЛУЕВА – И.В. СТАЛИНУ

(между 16 и 22 сентября 1929 г.)

Дорогой Иосиф!

Твое письмецо получила. Очень рада, что твои дела налаживаются. У меня тоже все пока идет хорошо за исключением сегодняшнего дня, который меня сильно взволновал. Сейчас я тебе обо всем напишу. Была я сегодня в ячейке «Правды» за открепительным талоном и конечно Ковалев рассказал мне о всех своих печальных новостях. Речь идет о Ленинградских делах. Ты, конечно, знаешь о них, т. е. о том, что «Правда» поместила этот материал без предварительного согласования с Ц.К., хотя этот материал видел и И. Н. Попов и Ярославский, и ни один из них не счел нужным указать Партийному отделу «Правды» о необходимости согласовать с Ц.К. (т. е. Молотовым). Сейчас же после того как каша заварилась, вся вина пала на Ковалева, который собственно с ред. Бюро согласовал вопрос. На днях их всех вызывали в ЦКК. Были там т.т. Молотов, Крумин (который, зная авторитет Ковалева в «Правде» его не любит, чисто лично, т. к. сам авторитетом не пользуется), Ярославский и Ковалев. Заседание вел Серго. Ковалев рассказал мне как велось заседание, а именно: Крумин плел все вроде того, что Ковалев этот материал не показал редкол(легии) и т. д.; Молотов заявил, что Партийный отд(ел) «Правды» не проводит линии Ц.К. и вообще занимается перегибом линии партии в самокритике. Ковалев выступил со своими объяснениями как было дело, Серго же не дал ему договорить до конца, стукнул «традиционно» по столу кулаком и стал кричать, что до каких пор в «Правде» будет продолжаться Ковалевщина, что ЦКК не потерпит этого и в этом духе. Ковалев мне рассказал, что после подобного ответа на его объяснения он вообще понял, что здесь почва подготовлена Круминым, что ни Серго, ни Молотов абсолютно не имеют поня-

тия, кем проведена вся работа в «Правде» по положению аппарата, что Крумин, конечно, все выдает за свои труды. Кроме этого Ковалев мне рассказал, что он очень сработался с Н.Н. Поповым, а у Крумина наоборот против Попова зуд и этим особенно вызвано личное обострение со стор(оны) Крумина. На заседании редак(ционной) коллегии Криницкий выступил с заявлением, что Ковалев зиновьевец и т. д. и т. п. Словом возможно, что Ковалев и допустил ошибку, которую допустил и Ярославский и Попов, но это не значит, что дело должно принять подобный тон и оборот. Ты на меня не сердись, но серьезно, мне стало бесконечно больно за Ковалева. Ведь я знаю какую он провел колоссальную работу и вдруг по предложению Крумина редак(ционная) кол(легия) принимает решение «освободить т. Ковал(ева) от завед(ующего) отд(елом) парт(ийной) жизни, как невыдержанного партийца», это прямо чудовищно. Причем вообще говоря его может снять только Орготд(ел) ЦК, который послал его на эту работу, а не Крумин. Жаль, что тебя нет в Москве. Я лично советовала Ков(алева) пойти обязательно к Молотову и отстаивать вопрос с принципиальной стороны, т. е. если считают, что его нужно снять, так это должно быть сделано без обвинения в партийной невыдержанности, ковалеvщины, зиновьевщины и т. д. Такими методами нельзя разговаривать с подобными работниками. Вообще же говоря он теперь считает, что он дейст(вительно) должен уйти, т. к. при подоб(ных) услов(иях) работать нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.